

А. А. Балдин

«ИСПОВЕДЬ» Л. Н. ТОЛСТОГО И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1880–1890-х гг.

В отечественном литературоведении долгое время все позднее творчество Л.Н. Толстого рассматривалось фактически только в социальном аспекте¹. Многие исследователи обращались только к отдельным произведениям этого периода, не пытаясь рассмотреть их взаимосвязь. Считалось, что духовный кризис писателя – это всего лишь переосмысление им жизненных ценностей в разрыве со своим классом². Но интерес к сущности этого кризиса, состоявшем больше в личной драме писателя, в поиске им определенной точки опоры в жизни, начал отчетливо проявляться только в последние годы. При изучении творческого наследия Л. Толстого, особенно позднего периода, необходимо помнить, что Толстой-художник и Толстой-мыслитель – это единый писатель и философ. Подлинный писатель тем и велик, что его наследие представляет собой целостность художественного и идейного.

Целью настоящей статьи является показ тесной связи между поздним мировоззрением писателя, вызванным духовным кризисом, и его художественным творчеством. Сделано это будет с помощью сопоставительного анализа текстов «Исповеди» с поздними повестями Толстого «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей» и «Хозяин и работник». На наш взгляд, в этих произведениях связь между художественным мышлением Толстого и его мировоззрением выражена наиболее отчетливо.

Для писателя его духовный кризис был связан прежде всего с переменой в его религиозных взглядах: он послужил началом обретения Толстым веры. Поэтому произведения этого периода стали носить в большей степени дидактический характер.

В дневнике Л. Н. Толстого за 1881 г. имеется запись: «Я прожил на свете 52 года и за исключением 14-ти 15-ти детских, почти бессознательных, 35 лет я прожил ни христианином, ни магометанином, ни буддистом, а нигилистом в самом прямом и настоящем значении этого слова, то есть без всякой веры. Два года тому назад я стал христианином. И вот с тех пор все, что я слышу, вижу, испытываю, все представляется мне в таком новом свете, что мне кажется, этот новый взгляд мой на жизнь, происходящий оттого, что я стал христианином... О том, как я сделался из нигилиста христианином, я написал длинную книгу»³.

¹ См.: Бурсов Б.И. Лев Толстой. Идейные искания и художественный метод. М., 1960; Храпченко М. Лев Толстой – мастер психологического анализа // Рус. лит. 1960. № 4. С. 64–90; Опульская Л.Д. Позднее творчество Л. Н. Толстого // Л.Н. Толстой: Сборник статей: Пособие для учителя. М., 1955. С. 336–367; Бурдина И. Ю. Повести Л.Н. Толстого 80-х гг. в советском литературоведении // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 86–94; Мучник Г.М. Моралист или художник?: О принципе контраста в рассказе Л. Толстого «Хозяин и работник» // Филол. сб. Алма-Ата, 1976. Вып. 17. С. 3–17; Галаган Г.Я. Путь Толстого к «Исповеди» // Рус. лит. 1978. № 3. С. 23–42; Бабаев Э. «Итог пережитого...» // Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича. Л., 1983. С. 3–16; Лебедев Ю.В. Судьба человека и смысл его жизни в мироощущении Л. Н. Толстого // Лит. в школе. М., 1991. № 1. С. 2–15; Мошняга В.Г. К вопросу о сущности перелома в мировоззрении Л.Н. Толстого // Актуальные проблемы истории социалистических учений. М., 1980. С. 16–28.

² См. об этом: Бурсов Б.И. Лев Толстой. Идейные искания и художественный метод; Бабаев Э. «Итог пережитого...». С. 3–16; Опульская Л.Д. Позднее творчество Л.Н. Толстого. С. 336–367.

³ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1985. Т. 21. С. 305.

В 1879 г. он принялся за изложение своих новых воззрений. Работа получила название «Исповедь» – это отражение духовного кризиса писателя, история развития его души.

Вот он проходит через годы юности: «...единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать»⁴. Уже тогда «и очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т.е. славнее, важнее, богаче других» (16, 97). Затем этот молодой человек вступает в полосу возмужания: «Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли... Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть – все это уважалось» (16, 98).

По этой причине с ним наконец произошло следующее: «Люди мне опротивели, и сам себе я опротивел, и я понял, что вера эта – обман... Вера эта выражалась словом “прогресс”» (16, 100–102). Через какое-то время ему все чаще стали повторяться два вопроса: зачем? ну, а потом? И он ничего не мог на них ответить. Он пишет: «Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти и ясно увидел, что впереди ничего нет, кроме гибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видеть, что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти – полного уничтожения... Я всеми силами стремился прочь от жизни... И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем... При этом я не только не был телесно или духовно нездоров, но, напротив, пользовался силой и духовной и телесной» (16, 106–107). Что же тогда он принимал за истину? «А истина – смерть», – писал он (16, 109). «То самое, что приводило меня в отчаяние – бессмыслица жизни, – есть единственное несомненное знание, доступное человеку» (16, 111).

Не найдя объяснения в разуме, он начал искать разъяснения в том образе жизни, которую вели люди, окружающие его, и обнаружил у них некоторые отличительные особенности, благодаря которым их можно было отнести к нескольким группам. Толстой писал: «Первый выход есть выход неведения. Он состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица» (16, 123). Второй тип он называл «выходом эпикурейства». Люди этой группы, зная безнадежность существования, пытались успеть воспользоваться теми благами, которые есть в жизни, и забыться. Толстой не мог отнести себя ни к первой, ни ко второй группе, поскольку он не собирался себя обманывать. Третий выход, как он называл, есть «выход силы и энергии»: «Он состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее» (16, 124–125). И наконец, был четвертый выход – «выход слабости». «Он состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная вперед, что ничего из нее выйти не может... Это есть выход слабости, ибо, если я знаю лучшее и оно в моей власти, почему не отдаться лучшему?.. Я находился в этом разряде» (16, 125). Но очевидным было и то, что писатель сомневался в полной бессмысленности жизни. Он рассуждал: если его разум определяет его человеческую жизнь, то разум и является творцом жизни. Почему же тогда разум отрицает жизнь? Он чувствовал здесь какую-то ошибку, но ему необходимо было во что бы то ни стало разрешить это противоречие. И тут он понял: «...Я чуял, что если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь. И я оглянулся

⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. М., 1960–1965. Т. 16. С. 97. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

на огромные массы отживших и живущих простых, не ученых и не богатых людей и увидел совершенно другое» (16, 129). Если разумное знание лишает жизнь смысла, то эти простые люди признают этот смысл в каком-то ином «неразумном знании»: «И это неразумное знание есть вера, та самая, которую я не мог не откинуть... По вере выходило, что для того, чтобы понять смысл жизни, я должен отречься от разума, того самого, для которого нужен смысл» (16, 130). Г.Я. Галаган полагает, что Толстой приходит к вере, которая рационально не объяснима. Суть этой веры есть «психологическая потребность следовать нравственному закону, в котором личное и общее совпадают»⁵.

В чем же совпадает это личное и общее? Толстой пишет об этом «неразумном знании»: «...Я видел, что вся жизнь этих людей проходила в тяжелом труде и они были менее недовольны жизнью, чем богатые... эти люди принимали болезни и горести без всякого недоумения, противления, а с спокойною и твердою уверенностью в том, что все это должно быть и не может быть иначе, что все это – добро» (16, 137). И далее: «...эти люди живут, страдают и приближаются к смерти с спокойствием, чаще же всего с радостью» (16, 137–138). Все эти рассуждения приближают его к закономерному выводу: «Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его» (16, 138). И тогда Лев Толстой приходит к важному выводу: «Задача человека в жизни – спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым» (16, 146).

С этого момента писатель заставляет своих героев испытывать решительный переворот в сознании, подвергнув их тяжелейшим испытаниям. Состояние духовного кризиса становится необходимым условием сюжетного построения всех поздних художественных произведений Толстого. Даже по структуре многие из них напоминают «Исповедь»: герои проходят три стадии – безверие и страх перед смертью, прозрение, обретение блага. Поэтому справедливо считает Э. Бабаев, что Толстой «...является едва ли не самым интересным и значительным героем своих книг»⁶.

В 1885 г. в одном из своих писем Толстой упомянул о своем замысле рассказать «простую смерть простого человека». Этот замысел был им осуществлен в повести «Смерть Ивана Ильича», которая была окончена в 1886 г.

Жизнь Ивана Ильича, главного героя повести, остановилась в тот момент, когда он тяжело заболел. Болезнь его с каждым днем развивалась сильнее, боль становилась нестерпимей. Эта боль заставила его впервые задуматься о себе: кто он такой, зачем он родился, хорошо или плохо прожил он свою жизнь? Но он не мог ответить на эти мучительные вопросы. Лишь перед смертью, когда бессмысленной становится ложь, когда уже трудно обмануть себя, он с беспощадной для себя правдой открывает те истины, о которых не знал или не хотел знать раньше. Он понял, что жизнь его была пуста и бессмысленна: «Когда он увидал утром лакея, потом жену, потом дочь, потом доктора, – каждое их движение, каждое их слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Он в них видел себя, все то, чем он жил, и ясно видел, что все это было не то, все это был ужасный огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть» (12, 112).

В «Исповеди» автор приходит к тем же выводам. Он пишет: «Люди мне опротивели, и сам себе я опротивел, и я понял, что вера эта – обман» (16, 100). Физическая боль Ивана Ильича является как бы символическим наказанием всей той отвратительной, бездушной жизни, которую он вел. Но был ли виноват в этом только он сам? О его сослуживцах автор говорит: «Так что, услышав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого

⁵ Галаган Г.Я. Путь Толстого к «Исповеди». С. 23.

⁶ Бабаев Э. «Итог пережитого». С. 15.

из господ, собравшихся в кабинете, была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых» (12, 57–58). Чем жил все это время Иван Ильич? «Жена без всяких поводов, как казалось Ивану Ильичу...начала нарушать приятность и приличие жизни: она без всякой причины ревновала его, требовала от него ухаживанья за собой, придиралась ко всему и делала ему неприятные и грубые сцены... В служебном мире сосредоточился для него весь интерес жизни» (12, 71–73). В чем же проявлялся этот интерес? «Сознание своей власти, возможность погубить всякого человека, которого он захочет погубить, важность, даже внешняя, при его входе в суд и встречах с подчиненными, успех свой перед высшими и подчиненными и, главное, мастерство свое ведения дел, которое он чувствовал, – все это радовало его и вместе с беседами и товарищами, обедами и вистом наполняло его жизнь» (12, 73). Такой образ жизни мог продолжаться сколько угодно, не случись с Иваном Ильичем несчастного случая, который и сыграл в его жизни такую роковую роль. Л. Д. Опульская пишет: «В поздний период творчества раскрытие диалектики души превращается в показ решительного переворота в сознании героя. Для этого переворота нужна катастрофа. Именно поэтому катастрофа – необходимое условие сюжетного построения всех поздних вещей Толстого»⁷.

И тут мы вновь обращаемся к «Исповеди»: «Так я жил, но пять лет тому назад со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние...Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: Зачем? Ну, а потом?... И я ничего и ничего не мог ответить» (16, 104–105). И чем более мы пытаемся сравнить духовный кризис автора «Исповеди» с подобным состоянием Ивана Ильича, тем более находим у них общее. В «Исповеди» говорится: «Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельною внутреннею болезнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно нераздельное по времени страдание. Страдание растет, и больной не успеет оглянуться, как уже сознает, что то, что он принимал за недомогание, есть то, что для него значительнее всего в мире, что это – смерть» (16, 105).

Физическая боль Ивана Ильича сливается с болью его души. Его не покидает страх смерти. Он оказывается как бы в изоляции, наедине со своими страданиями и мучительными вопросами о смысле жизни. Иван Ильич внутренне осознает, что его болезнь неизбежным следствием может иметь только смерть. В «Исповеди»: «И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видеть, что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти – полного уничтожения» (16, 106). Но еще и ложь, которая окружала Ивана Ильича, была невыносима: «Ложь, ложь эта, совершаемая над ним накануне его смерти, ложь, долженствующая низвести этот страшный торжественный акт его смерти до уровня всех их визитов, гардин, осетрины к обеду...была ужасно мучительна для Ивана Ильича» (12, 98). И только один буфетный мужик Герасим был способен утешить его: «Один только Герасим понимал это положение и жалел его...Один Герасим не лгал, по всему видно было, что он один понимал, в чем дело, и не считал нужным скрывать этого, и просто жалел исчащего, слабого барина. Он даже раз прямо сказал, когда Иван Ильич отсылал его:

– Все умирать будем. Отчего же не потрудиться? – сказал он, выражая этим то, что он не тяготится своим трудом именно потому, что несет его для умирающего человека и надеется, что и для него кто-нибудь в его время понесет тот же труд» (12, 98–99). Вспомним, что говорил еще в «Исповеди» Толстой о людях, таких, как Герасим: «А эти

⁷ Опульская Л.Д. Позднее творчество Л. Н. Толстого. С. 345.

дураки – огромные массы простых людей – ничего не знают насчет того, как все органическое и неорганическое устроено на свете, а живут, и им кажется, что жизнь их очень разумно устроена!» (16, 126). И далее, что особенно важно: «...эти люди принимали болезни и горести без всякого недоумения, противления, а с спокойною и твердою уверенностью в том, что все это должно быть и не может быть иначе, что все это – добро... Эти люди живут, страдают и приближаются к смерти с спокойствием, чаще же всего с радостью. И все они... знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро» (16, 137–138). Таким был и Герасим. Вот почему Ивану Ильичу было хорошо только с ним. «Это как бы нисхождение идеала в жизнь, гармония реального и субъективного времени, высокая простота, которую сам Толстой считал высшим счастьем человеческой жизни»⁸. И действительно, в «Исповеди» мы находим: «И я полюбил этих людей. Чем больше я вникал в их жизнь... тем больше я любил их и тем легче мне самому становилось жить» (16, 138). Теперь только воспоминания детства выдержали испытание временем для Ивана Ильича: «И чем дальше от детства, чем ближе к настоящему, тем ничтожнее и сомнительнее были радости... Точно равномерно я шел под гору, воображая, что иду на гору. Так и было. В общественном мнении я шел на гору, и ровно настолько из-под меня уходила жизнь... И вот готово, умирай!» (12, 107–108). А вот что Толстой писал сам о себе в «Исповеди»: «Я понял, что истину закрыло от меня не столько заблуждение моей мысли, сколько самая жизнь моя в тех исключительных условиях эпикурейства, удовлетворения похотям, в которых я провел ее» (16, 139). И он заставляет своего героя отречься от своей прежней жизни и по-новому понять ее. «...Чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи» (16, 146) – к этому же выводу подводит Толстой и Ивана Ильича. И поэтому если жизнь его была пуста и бессмысленна, то его смерть приобретает великий смысл. Он перестал бояться смерти и судорожно цепляться за жизнь. Затем он вдруг ощутил, что причиняет много страданий своим близким. И ему впервые за всю свою жизнь стало жалко их: он пожалел своего сына-гимназиста, пожалел свою жену, которую очень давно перестал любить. И это произошло после того, как он постоянно думал и заботился только о себе! «Да, я мучаю их, – подумал он. – Им жалко, но им лучше будет, когда я умру» (12, 114). Здесь важно для Толстого, как и для самого Ивана Ильича, по мнению В.Г. Мошняги: «Для достижения истины необходимо любить всех, объединяться с кем не согласен»⁹.

Иван Ильич умирает. Но умирает как-то необычно: «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше». Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» (12, 115). Иван Ильич умирает спокойно, потому что в нем уже пробудилась вера, которая помогла ему наполнить оставшиеся мгновения жизни смыслом. И в «Исповеди» Толстой говорит: «Какой смысл, не уничтожаемый смертью? – соединение с бесконечным богом...» И далее: «Так что, кроме разумного знания, которое мне прежде представлялось единственным, я был неизбежно приведен к признанию того, что у всего живущего человечества есть еще какое-то другое знание, неразумное – вера, дающая возможность жить» (16, 132). Важно обратить внимание именно на религиозный характер повести. В критической же литературе этому аспекту исследования уделяли недостаточно много внимания. Так, например, в работе Э. Ф. Володина основной акцент делается на том, что «личность подавила лицедеев»¹⁰. Нам эти выводы представляются несколько поверхностными. Причиной тому – невнимательное отношение к личности самого

⁸ Володин Э. Ф. Повесть о смысле времени: «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого // Контекст 1984. М., 1986. С. 159.

⁹ Мошняга В. Г. К вопросу о сущности перелома в мировоззрении Толстого. С. 20.

¹⁰ Володин Э. Ф. Повесть о смысле времени... С. 161.

писателя, ограничивающееся лишь признанием утопической его нравственной и религиозной позиции. И поэтому сравнение повести с «Исповедью» представляется необходимым: в ней как раз и заключен тот контекстуальный смысл, который содержится в повести. И если Володин склонен рассматривать Ивана Ильича только как человека, исцеляющего самого себя исключительно с помощью своих личных качеств, то в одном он совершенно прав: «Иван Ильич перед смертью приходит к этической системе автора произведения»¹¹. Поэтому, когда Иван Ильич понял, что нужно «жить по-Божьи», когда он ощутил в себе это «знание неразумное», т.е. ту веру, которая рационально не объяснима, но которая уничтожает понятие телесной смерти и позволяет слиться с бесконечным, — он умирает спокойно.

В 1890 г. Толстой задумал написать повесть «Отец Сергей». Сюжет этой повести долго им переосмыслился. И когда она наконец была написана, Толстой не считал ее законченной полностью.

Эта повесть является как бы новым сложным этапом переосмысления художником жизни человека и ее ценностей. Если Иван Ильич только перед смертью понял всю ничтожность своей жизни, но ушел из этого мира просветленным, то Степан Касатский с самого начала своей жизни искал во всем совершенства и смысла. Если смерть избавила в конце концов Ивана Ильича от страданий и предсмертных мук, то Степан Касатский всю свою долгую жизнь прожил в состоянии постоянного нравственного напряжения.

«Отец Сергей — глубоко философский эксперимент, открывающий непостижимые бездны человеческой души, психики, соотношения природного и духовного»¹².

Касатский уже с юношеского возраста «не пил, не распутничал и был замечательно правдив» (12, 368). Здесь опять напрашивается его сравнение с автором, который писал в «Исповеди»: «...единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать... Началом всего было, разумеется, нравственное совершенствование, но скоро оно подменилось совершенствованием вообще, т.е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед Богом, а желанием быть лучше перед другими людьми» (16, 97). Но Касатский был еще и чуток к вере: «... к вере детской, которая никогда не нарушалась в нем» (12, 374). Разрыв с невестой, отставка и уход в монастырь явились причиной не только личного оскорбления, — была задета его гордость и самолюбие. Он понял, что, несмотря на его волевые качества и целеустремленность, он не сможет добиться в мирской жизни полного совершенства: всегда будут находиться обстоятельства и люди, которые будут иметь власть над ним. Он ушел в монастырь, но старец, у которого он некоторое время был на попечении, сумел верно определить, что двигало Касатским — гордость: «...что вот, мол, я какой, ни в чем не нуждаюсь» (12, 379–380).

Касатский своим поступком ухода из мирской жизни, став ближе к Богу, как бы возвысился над всем обществом. С тем же рвением, как и раньше, он стремится достигнуть в этом деле совершенства, но на седьмой год жизни в монастыре ему вдруг стало скучно: «Все то, чему надо было учиться, все то, чего надо было достигнуть, — он достиг, и больше делать было нечего. Но зато состояние усыпления становилось все сильнее и сильнее» (12, 376). При этом в нем всегда сохранялось «монашеское честолюбие».

Касатский и здесь не находит спасения, которого искал. Соблазны не только остаются, — они приобретают более уродливые формы. Но в этой ситуации судьба как бы дала ему шанс по-настоящему испытать себя, свою душу. Встреча с Маковкиной была еще одной очень важной психологической стадией. В. Турбин даже считал, что «...маленькая баллада о монахе и женщине оторвалась от всей повести, перевесив ее, переставив ак-

¹¹ Володин Э.Ф. Повесть о смысле времени... С. 144.

¹² Гогугадзе В. Старец Зосима и отец Сергей // Лит. Грузия. Тбилиси, 1985. № 11. С. 125.

центы»¹³. Но Толстому этот эпизод понадобился скорее для другой цели: даже борьба с похотью здесь не самое главное, главное – это искушение славой людской, или показным праведничеством. Тем не менее отец Сергей предстает перед нами несомненно сильной духовной личностью, хотя, естественно, отрубив себе палец, он не способен побороть зло.

«С тех пор слава отца Сергея стала увеличиваться. Посетителей стало приходить все больше и больше... Стали стекаться к нему издалека и стали приводить к нему болящих, утверждая, что он исцеляет их... он чувствовал, как внутреннее переходило во внешнее, как иссякал в нем источник воды живой, как то, что он делал, он делал все больше и больше для людей, а не для Бога» (12, 391–393). А соблазны извращают пути достижения истины. Не было у отца Сергея той самой веры, о которой Толстой так много говорил в «Исповеди»: «...И это неразумное знание есть вера... По вере выходило, что для того, чтобы понять смысл жизни, я должен отречься от разума, того самого, для которого нужен смысл» (16, 129–130). Знания сердца не хватало отцу Сергию. И еще важно отметить следующее: «Ему приятно, нужна любовь от них, но к ним любви он не чувствовал. Не было у него теперь любви, не было и смирения, не было и чистоты» (12, 400).

И происходит окончательное падение отца Сергея в объятия купеческой дочки, которую привели к нему исцеляться. Праведника не стало. Он задумывается о самоубийстве, как и сам автор «Исповеди» в свое время. Но ему снится сон, в котором является ангел и направляет отца Сергея к девочке из его детства, Пашеньке: «Иди к Пашеньке и узнай от нее, что тебе надо делать, и в чем твой грех, и в чем твое спасение» (12, 403). У тещи пьющего чиновника нет славы. Нет у нее зрителей, аплодирующих ее христианским подвигам. Ее величие – в ее заурядности. И тут опять следует вспомнить «Исповедь»: «...я чуял, что если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромные массы... простых, не ученых и не богатых людей и увидел совершенно другое» (16, 129). У них он и обнаружил «знание сердца», то есть ту веру, которая не нуждается в разумном объяснении. А все эти простые люди «...знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро» (16, 138). И Сергей заключил: «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей» (12, 409). И тут он делает для себя вывод, как поступить ему: «Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его» (12, 410). Эту же мысль развивает сам Толстой в «Исповеди»: «Ведь я не живу, когда теряю веру в существование Бога, ведь я бы уж давно убил себя, если б у меня не было смутной надежды найти его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Так чего же я ищу еще? – вскрикнул во мне голос. – Так вот он. Он – то, без чего нельзя жить. Знать Бога и жить – одно и то же. Бог есть жизнь» (16, 144). И отец Сергей начал искать Бога. Но чтобы жить с Богом, нужно «жить по-Божьи». И отец Сергей попытался это сделать: «Если удавалось ему послужить людям или советом, или грамотой, или уговором ссорящихся, он не видел благодарности, потому, что уходил. И понемногу Бог стал проявляться в нем» (12, 410). Не случайно он не признался, кто он такой, когда его судили и сослали в Сибирь: ведь он считал себя всего лишь рабом Божиим.

И вот теперь он уж окончательно отрекся от всех утех жизни, стал милостивым, трудолюбивым и терпеливым: «В Сибири он поселился на заимке у богатого мужика и те-

¹³ Турбин В. Исчезновение отца Сергея, или Несколько слов в защиту дидактики: Из заметок о Льве Толстом // Лит. учеба. М., 1980. № 2. С. 149–154.

перь живет там. Он работает у хозяина в огороде, и учит детей, и ходит за больными» (12, 411). И сама повесть «Отец Сергей» о красоте обыкновенной жизни, жизни неприславленной, безымянной. «Отец Сергей исчез. В исчезновении его нет и тени презрения к миру или малодушия перед ним; напротив, человек и мир сливаются в обоюдном уважении»¹⁴.

Прошло какое-то время, и в поисках жизни бесславной и безызвестной отправился сам Толстой. Но стоило ему только уйти из Ясной Поляны, как тут же из этого события сделали настоящую сенсацию. Поиски тишины и уединения обернулись шумом газетных репортажей и ревом толпы, поиски бесславия и праведничества обернулись грандиозной славой. Вот таким образом сама жизнь дописала за автора эту повесть.

Мысль о написании повести «Хозяин и работник» возникла у Толстого зимой 1892–1893 гг. Впервые она была напечатана в журнале «Северный вестник» в 1895 г.

Эта повесть дает очень ясное и простое представление о смысле человеческой жизни, которого придерживался Толстой, испытав духовный кризис. В повести два главных действующих лица – купец Брежунов и его работник Никита.

Брежунов – это баловень судьбы, разбогатевший мужик, ставший купцом, который личное обогащение сделал смыслом своей жизни. Никита был особенно ничем не примечателен: обыкновенный мужик, безропотно подчиняющийся своему хозяину, про которого автор говорит: «Везде его ценили за его трудолюбие, ловкость и силу в работе, главное – за добрый, приятный характер...» (12, 319). Далее мы узнаем, что у Никиты существовал свой особый мир, что его не интересовали какие-нибудь житейские проблемы, он не задумывается над тем, как обустроить свою жизнь, но вместе с тем мы находим, что Никита жил в каком-то особом содружестве, гармонии со всем окружающим его миром и даже с животными: «Никита поговорил со всеми: извинился перед курами, успокоил их, что больше не потревожит, упрекнул овец за то, что они пугаются, сами не зная чего, и не переставая усовещивал собачонку, в то время как привязывал лошадь» (12, 335–336). Никита всегда послушен и исполнителен, он никогда ни на что не жалуется. Брежунова отличает от Никиты постоянная игра в накопительство, которая заполняет всю его жизнь. Никита же – не хозяин, он не живет этими страстями и желаниями.

Для того чтобы показать истинность и ложность жизни героев, Толстой ввергает их в катастрофу, которая служит толчком к просветлению их сознания. Герои оказываются в таком состоянии, когда их уже ничто не может спасти. Они обречены на гибель, заблудившись в бескрайнем поле морозной зимней ночью, не имея никакой возможности рассчитывать на помощь. И здесь важно то, как относятся герои к смерти, как они рассматривают всю свою прежнюю жизнь. Брежунов почти до конца «думал о том же одном, что составляло единственную цель, смысл, радость и гордость его жизни, – о том, сколько он нажил и может еще нажить денег» (12, 349). И все-таки призрак смерти уже начинает овладевать его сознанием: «Сколько он ни старался думать о своих расчетах, делах и о своей славе и своем достоинстве и богатстве, страх все больше и больше завладевал им» (12, 353). Наконец, он окончательно понимает, что спасения нет. Остается только одно – спасти свою душу. Брежунов чувствует, что сделать это он может только с помощью веры, которая способна наполнить его последние минуты жизни истинным смыслом, – и его душа будет спасена.

В своих религиозно-философских трактатах Толстой часто сравнивает человека с работником, приставленным к делу спасения своей души, то есть к тому делу, которое назначено ему его хозяином – Богом. Купец Брежунов перед смертью также оказывается в роли работника перед лицом своего Создателя. И он отогревает своим телом замерзшего Никиту, испытывая при этом какую-то особенную, не испытанную им еще радость.

¹⁴ Турбин В. Исчезновение отца Сергея... С. 154.

У него исчезает страх смерти. Его конец напоминает смерть Ивана Ильича, и связано это прежде всего с открытием в своей душе той самой веры, которая рационально не объяснима. Вспомним опять «Исповедь»: «Так что, кроме разумного знания, которое мне прежде представлялось единственным, я был неизбежно приведен к признанию того, что у всего живущего человечества есть еще какое-то другое знание, неразумное – вера, дающая возможность жить. Значит, в одной вере можно найти смысл и возможность жизни... Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит» (16, 132–133).

Толстой пишет о последних мгновениях Брехунова: «Он пришел и зовет его, и этот, тот, кто зовет его, тот самый, который кликнул его и велел ему лечь на Никиту. И Василий Андреич рад, что этот кто-то пришел за ним» (12, 363). Никита же в такой ситуации оставался спокойным. Автор говорит о нем: «...умирал он или засыпал – он не знал, но чувствовал себя одинаково готовым на то и на другое» (12, 357). Но ему не суждено было умереть теперь – его вера спасла его. Толстой писал о таких людях, как Никита: «Эти люди принимали болезни и горести без всякого недоумения, противления, а с спокойною и твердою уверенностью в том, что все это должно быть и не может быть иначе, что все это – добро... И все они... знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили страдания и лишения, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро» (16, 138).

Никита умер значительно позднее, спустя много лет. Но смерть его взяла в мир иной все таким же праведником: «Помер он только в нынешнем году дома, как желал, под святыми и с зажженной восковой свечкой в руках» (12, 366).

Важно отметить, что в поздний период творчества Толстого происходит как бы расширение жанровой формы, в результате чего каждое отдельное произведение на уровне структуры несет в себе элементы сразу нескольких жанров, включая даже элементы традиционной христианской легенды: прегрешение, страдание и очищение от греха. Во многом это произошло под влиянием «Исповеди». А. Чиркин даже замечает: «Исповедь русского писателя шире любых жанровых построений – она альфа и омега его бытия и поэтому не вмещается в рамки исключительно литературного события, скорее, она факт отношения писателя к жизни, попытка определить свое место в ней, понять самого себя и в какой-то мере подвести итоги...»¹⁵.

Отличительной чертой поздних произведений писателя является их исследовательский характер: автор пытается найти первопричину анализируемых явлений. Что же касается его языка, то он отличается лаконизмом, умением обрисовать внешний и внутренний облик героя несколькими чертами, наиболее присущими ему. Слова поражают своей точностью и нужностью, к тому же художник умело использует меткую народную речь.

Именно теперь, на пороге XXI века, мы должны осознавать, насколько актуальны и важны все толстовские идеи: его мысли о добре и справедливости, о ложных религиях и ничтожных кумирах, о постоянном нравственном самосовершенствовании и увеличении в себе любви к людям. Нужно учиться у Толстого неистребимому оптимизму и вере в жизнь.

¹⁵ Чиркин А. От «Исповеди» Аввакума к «Исповеди» Толстого // Русь многоликая. М., 1990. С. 37–51.